

«ВОЗВРАЩАЕТСЯ МУЖ ИЗ КОМАНДИРОВКИ»: ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА СУПРУЖЕСКУЮ ИЗМЕНУ В АНЕКДОТЕ

Татьяна Леонидовна Кукса

начальник отдела реформирования законодательства Центра анализа деятельности органов исполнительной власти Института государственного и муниципального управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; аспирантка Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

e-mail: tutosha@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8696-7284

Аннотация. В настоящем исследовании представлены социологический, лингвистический, фольклористические (психоаналитический и структурно-семиотический) подходы к анализу современного анекдота о супружеской измене. Предложенные академические интерпретации сатирических текстов совершенно различны, однако они позволяют объяснить популярность и воспроизводимость анекдотических сюжетов о супружеской жизни, гендерные стереотипы, причины демонизации женщины и высмеивания мужчины, а также современную специфику бытования анекдота и воссоздания смехового эффекта. Однако жизнестойкость подобных историй о женской неверности связана не только с коммуникативной ситуацией бытования анекдота. В статье также проанализирована единая структура трюкового сюжета и связь между средневековыми сказочными историями о «бабьих уловках» и современными анекдотами с типовым зачином «возвращается муж из командировки». Такие анекдоты часто используют те же трюковые сюжеты, мотивы и формульные зачины, что и анекдотические сказки о женском плутовстве. В современном анекдоте отсутствует эксплицитно выраженная дидактика и нравоучения, но он имеет идентичные со сказкой-анекдотом признаки: установку на вымысел, аналогичную сказочной формуле зачина, композиционный поворот сюжета, вызванный трюками и смекалкой героев, комическую развязку и смеховой эффект.

Ключевые слова: анекдот, смеховой эффект, трикстер, плутовство, проективная инверсия, травма, супружеская измена

Введение

Если анекдоты на семейные темы уже находились в фокусе внимания различных научных дисциплин – фольклористики, лингвистики, языкознания, антропологии и социологии [Дандес; Кооистра, Щипицина; Кузнецов; Лебедь; Слышкин; Фролова 2007, 2008; Хромачева; Шмелев, Шмелева; Oring; Тарасенко], то типологическая связь между современными анекдотами о «вернувшемся из командировки муже» и средневековыми сказочными историями о «бабьих уловках», проанализированными со структурно-семиотических позиций, еще не становилась самостоятельным объектом научного осмысления. При этом найденные академические интерпретации сатирических текстов о супружеской жизни и неверности довольно различны и объясняются преимущественно дисциплинарным своеобразием научных эпистемологий и языков описания, спецификой аксиоматических установок и методологий сбора, обработки и анализа первичных и дополнительных источников.

В настоящем исследовании последовательно разобраны социологический, лингвистический, фольклористические (психоаналитический и структурно-семиотический) подходы к современному анекдоту о супружеской измене, а также представлено структурно-семиотическое сравнение постсоветских и советских текстов со средневековыми сказочными историями о женском плутов-

стве. Неоднородность интерпретаций, отраженных в настоящей работе, обусловлена выбором разнообразных дисциплинарных подходов, в рамках которых объяснялась вариативность, клишированность и структура анекдотических текстов; гендерная стереотипизация, перформативность, специфика бытования анекдота и воссоздания смехового эффекта; а также популярность и воспроизводимость анекдотических сюжетов о женской неверности.

Социологический взгляд: анекдот как слепок социального кризиса институтов семьи и брака

Для анализа брачно-семейных отношений российские социальные исследователи используют фольклорные тексты в качестве устных полевых источников, которые наряду с результатами социологических опросов, с их точки зрения, напрямую отражают актуальные социальные проблемы супружеской жизни и кризис института семьи и брака в российском обществе [Лебедь; Хромачева]. Как правило, при таком вульгарном / упрощенном социологическом подходе анекдоты воспринимаются как непосредственные свидетельства супружеской, родительской и межпоколенной конфликтности, подвергаются гендерной классификации и поверхностной типизации, а также статистическому контент-анализу, который представляется как результат, кор-

релирующий с реальными экономическими, психологическими семейными трудностями и (анти)феминистскими настроениями современности. При этом исследователями игнорируются специфика бытования и прагматика сатирических фольклорных жанров, структурно-семиотические особенности, а также многовековая европейская традиция и продуктивность историй про «бабьи увертки», переродившихся в цикл советских анекдотов и ритуалов.

Приведем для иллюстрации социологического подхода к фольклорным источникам статистические результаты одного типового контент-анализа и выводы о социальном портрете семьи и кризисе института семьи и брака [Лебедь]. Первоначально было отобрано 7598 устных и опубликованных (в 1995–1998 гг.) анекдотов, далее по причине повторов массив сократился до 6916 анекдотов и поделен на две части, при этом первая часть составила 5166 анекдотов. 1584 анекдота из первой части (30,7 %) касаются семьи, из этого числа супружеским отношениям посвящены 1053, из них: 74 % анекдотов описывают негативно женщину – графа 1 «Жена-несчастье», 26 % анекдотов – мужчину – графа 2 «Муж-несчастье». В целом лексика, характеризующая женщину в анекдотах, где она выступает поводом для смеха или иронии, по данным приведенного анализа, более грубая, чем слова, описывающие мужчин. По отношению к жене упо-

требляются такие выражения, как «зараза», «стерва», «пила», «зануда», «дура», «дуреха», «глупая», тогда как в отношении мужа наиболее употребительными являются «дурак», «дурачок», «идиот», «юбочник» и т. п. Наиболее часто встречающимися эпитетами, отрицательно характеризующими женщин, явились «неверная», «глупая», «страшная», «расточительная», «болтливая», «злая», «ревнивая» и «пьющая». Оказалось, что негативных качеств у жены гораздо больше, чем у мужа. Разбивка по типам негативных образов, которыми были наделены героини и герои анекдотов, приведена в таблице 1 [Лебедь: 137].

Как видно из таблицы 1, *в анекдотах о супружеских отношениях говорится в три раза чаще об изменах жен, чем мужей*. Исследовательница отмечает, что семейный статус неверной женщины указывается эксплицитно: «пришел к жене любовник», «застал муж жену в постели», «жена с любовником забавляется». Статус же мужчины-любовника практически всегда остается «за кадром», т. е. остается неясным – женат он или разведен, холост или вдовец. Был отмечен интересный факт, что мужская ревность в анекдотах практически не представлена, а злой и жадный муж – почти такой же нонсенс, как примерная жена (для иллюстрации: из общего числа анекдотов о семье только в 0,63 % говорится о злых мужьях) [Лебедь].

Таблица 1. Статистика негативных образов в анекдотах о супружеских отношениях

Графа 1. «Жена-несчастье»		Графа 2. «Муж-несчастье»	
Изменяет	225 (21 %)	Глупый	89
И н ы е отрицательные качества	216	Пьющий	79
Транжирка	125	Изменяет	61 (6 %)
Плохая хозяйка	85	Иные отрицательные качества	26
Страшная	41	Злой	10
Глупая	36	Жадный	10
Болтливая	25		
Злая	20		
Ревнивая	3		
Пьющая	2		
	778		275

Лингвистический взгляд: анекдот как слепок актуальной гендерной стереотипизации и ритуал мужского ухаживания

В лингвистической гендерологии утверждается, что гендерная стереотипизация фиксируется в языке, а также влияет на ожидания определенного типа поведения от представителей разного пола. Впервые Уолтер Липман ввел в научный оборот понятие стереотипа в 1922 г., дав ему краткое образное определение «картинки в голове» (picture in our head), спасающей человека от сложности мира [Lippman: 3–32]. Хотя гендерные стере-

отипы очень упрощают реальную ситуацию, являясь как бы «схематизированным, эмоционально окрашенным образом мужчины и женщины», однако они закреплены прочно и меняются достаточно медленно [Lippman; Шмелев, Шмелева].

Разные стороны концептов мужественности и женственности актуализируются, согласно данным лингвистических исследований А.В. Кирилиной, в зависимости от экстралингвистических факторов: исторического периода, социального заказа, экономики, идеологии [Кирилина]. В силу распростра-

ненности анекдотов Г.Г. Слышкин рассматривает их в качестве популярного источника стереотипов, отражающих ценностную картину мира. С позиции лингвокультурологии он ставит знак равенства между «гендерными стереотипами» и «гендерными концептами», которые характеризует как «культурно и социально обусловленные мнения и presupпозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [Слышкин]. Российские лингвисты А.Д. Шмелев и Е.Я. Шмелева вводят специальное понятие – «стереотип анекдотического пространства» [Шмелев, Шмелева: 26]. Гендерные стереотипы / концепты, по мнению А.Д. Шмелева, Е.Я. Шмелевой, Г.Г. Слышкина, регулярно актуализируются в анекдотах, которые становятся понятными и смешными только при наличии фоновых знаний и условия знакомства слушателя с выраженными в них стереотипами героев.

На основании разработанной гендерными лингвистами методологии были проведены отдельные сравнительные лингвистические исследования, посвященные особенностям проявления гендерных стереотипов, например, на материале женской литературы, русских, американских и немецких анекдотов,

опубликованных в сборниках или размещенных в интернет-сети. Полученные исследователями выводы свидетельствуют о незначительных различиях социокультурных и гендерных ролей и стереотипов в русском и немецком обществах (возможно, по причине незначительности корпуса отобранных анекдотов¹) [Кооистра, Щипицина], а также довольно показательных различиях между американскими и русскими анекдотическими текстами на тему семейных отношений [Тарасенко]. Так, в американских анекдотах о семье тема развода представлена в качестве центральной, мужья изменяют чаще, чем жены (3:1), в то время как в русских анекдотах мотивы развода редки, мужчины более всего и всему предпочитают водку и пьянство, жены доминируют в хозяйстве и семейных финансах в отличие от американских женщин, которые сексуально не удовлетворены, бьют мужей и изменяют чаще, чем супруг (5:1) [Тарасенко].

Вместе с тем российскими лингвистами учитывается как прагматика, перформативность, так и своеобразие воссоздания смехового эффекта, воспроизводства и восприятия анекдотов на темы о супругах. Г.Г. Слышкин утверждает, что, во-первых, *большин-*

¹ Например, исследовательницы не объяснили выборку анекдотов о женщинах – 208 немецких и русских текстов, собранных на различных порталах сети интернет [Кооистра, Щипицина].

ство анекдотов реализуют мужскую картину мира, а, во-вторых, ситуация рассказывания анекдотов часто возникает

«за столом, когда начинается жанр так называемой *“травли анекдотов”*, когда идет обмен шутками, но на самом деле идет скрытое соревнование, а кто завоюет окружающую публику. В частности, адресатом анекдотов очень часто является женщина. Мужчина начинает беседу с дамой с совершенно невинного анекдота, он идет по наклонной плоскости, то есть анекдоты все ниже и ниже опускаются “к поясу”, и он очень внимательно смотрит на реакцию. И если это принимается – значит, можно ухаживать дальше, то есть это своего рода сексуальная игра, элемент ухаживания» [Слышкин, Ляленкова]¹.

Эта значимая деталь, отмеченная лингвистами, свидетельствует о том, что цикл анекдотов о супружеской неверности может актуализироваться благодаря мужским потребностям и зачастую используется *в целях флирта и завоевания расположения собеседницы*, что частично объясняет *жизнестойкость анекдотических историй про женский адюльтер, если их и сочиняют, и рассказывают мужчины, иницируя ритуал ухаживания.*

Психоаналитический взгляд: анекдот как слепок мужских страхов супружеской неверности и / или проективная инверсия измен

Характеристика основных работ постфрейдистского и семиотико-психологического направления представлена в исследовании российского фольклориста А. Архиповой [Архипова: 13–17], а мы лишь остановимся на идеях и подходах, применимых к нашему циклу анекдотов. Американский антрополог Н. Райс исследовала вопрос влияния гендерных различий на функционирование речевых жанров в определенных социальных ситуациях. Она заметила, что в перестроечной России мужчины предпочитали рассказывать анекдоты, демонстрирующие цинизм и безразличие к происходящему, в отличие от женщин, которые предпочитали горестно-жалобные ламентации [Ries]. Американский социолог и психоантрополог К. Митчелл пыталась выяснить разницу в предпочтении, восприятии и интерпретации сексуальных анекдотов носителями разных гендерных идентичностей (на основе социологических исследований). Ее исследование показало, что анекдоты об изнасиловании считаются более смешными среди женщин, чем среди мужчин, и связано

¹ Интервью Г.Г. Слышкина. Интервьюер – Т. Ляленкова.

это с коллективным переживанием эмоций и травм, присущих данной группе [Mitchell]. Указанные наблюдения отчасти коррелируют с выводами российских лингвистов о том, что анекдоты о супружеской измене предпочитают рассказывать мужчины, как правило, в процессе ухаживания или агона, в то время как адресатами анекдотов оказываются женщины.

Считается, что в русских анекдотах о женской неверности, как правило, представлена мужская точка зрения, поэтому склонность к внебрачным сексуальным связям приписывается супруге, при том что естественной презюмируется мужская полигамность [Фролова 2007; Фролова 2008]. По мнению известного американского ученого А. Дандеса, фольклор, являясь социально санкционированной «отдушиной», позволяет отдельным сообществам эксплицировать, преодолевать и преобразовывать подавленные желания, властные или деструктивные стремления, неразрешимые конфликты, страхи и травмы [Дандес: 75, 103, 122, 178]. Развивая психоаналитические идеи американского фольклориста, можно предположить, что функционирование анекдотов о супружеской неверности может свидетельствовать о бессознательном табуировании мужьями предмета высмеивания или о пережитой психологической травме женской измены, а также о необходимости компенсации подавляемых фобий и страхов

посредством смеховой реакции и воспроизведения текста. Возможно даже, мы имеем дело с реализацией механизма *проективной инверсии через фольклорный текст*, когда собственная неверность мужчины проецируется на супругу, поэтому именно она занимает место изменницы в анекдоте.

Какие доказательства функционирования механизма компенсации травмы и страха перед женской неверностью (или даже проективной инверсии) мы находим в анекдотах об адюльтере?

Во-первых, как было ранее указано, лингвисты подчеркивают, что такие тексты предпочитают рассказывать мужчины женщинам, а значит, над анекдотом о женской измене предпочитают смеяться в первую очередь мужчины.

Во-вторых, в некоторых анекдотах женская сексуальность предельно гиперболизирована: за время неожиданного возвращения мужа из командировки и его обмана супруга успевает принять и спрятать двух или даже нескольких любовников.

В-третьих, интересно, что в анекдоте женщина сконцентрирована лишь на удовлетворении физиологических потребностей, в нем отсутствует тема любви, привязанности в отношении любовника. Хотя, с точки зрения современных психологии и сексологии, именно потребность в эмоциональной близости объясняет в первую очередь природу женской неверности в браке.

Доминирование мужской картины мира, гиперболизированное описание событий измены и физиологических потребностей жены также могут свидетельствовать в пользу постфрейдистской гипотезы о проективной инверсии неверности самого супруга. Вместе с тем рассказывание анекдотов может также эксплицировать табуированные психологические травмы и страх женской измены.

Структурно-семиотический взгляд: типологическая связь между средневековыми сказочными историями о женском плутовстве и современным анекдотом

Всемирно известный ученый М.М. Бахтин связывал сатиру в основном с малыми речевыми жанрами, шутовскими и «фамильярными пластами языка», комическими агонами и диалогическими формами посямлений, осмеяний, выражением непристойностей, кощунства, нарушением нормы и табу, профанацией священного [Бахтин 1997; Бахтин 1986: 360].

Основатель исследовательской школы теоретической фольклористики Е.М. Мелетинский, доказывая трансформацию новеллистической и анекдотической сказки в новеллу [Мелетинский], писал о мотивах плутовства и контрплутовства в анекдотических сказках о супружеской жизни. В частности, он отмечал, как такие сказки-анекдоты строго «строятся вокруг оси ум (понимаемый как хитрость и ведущий к плутовству) – глуп-

пость, их главная общая тема, или метасюжет: хитрец обманывает дурака, причем глупец привлекает больше внимания, отчетливее маркирован, чем его антипод» (в отличие от собственно новеллистической сказки, где маркирован ум героя) [Там же: 25–26]. Глупцы нарушают элементарные правила логики либо по собственному неразумию, либо в результате обманного «объяснения» мудреца. Чаще, однако, по мнению ученого-фольклориста,

«сказка сочувствует мужу, который в порядке контрплутовства узнает об измене жены (притворившись мертвым или уверив ее в том, что он считает для жены нормальным иметь любовника), пугает и выгоняет любовника, под видом святого советует неверной жене лучше кормить мужа, тогда он якобы ослепнет. <...> Характеристика жен и женщин в анекдоте контрастна с обрисовкой добродетельных жен в собственно новеллистических сказках и отражает отчасти патриархальный, отчасти “демонизирующий” (в библейской и древних традициях) архаический взгляд на женщину» [Там же].

Любовниками неверных жен, именно такими, которых анекдотическая сказка высмеивает, осуждает и наказывает, очень часто оказываются священники.

Анекдотический сюжет женской супружеской измены и плутовства героини относится к числу мировых «бродячих» сюжетов,

особенно популярных в Средневековой Европе, и занимает почетное место в индоевропейском сказочном фонде.

В указателе типов сказочных сюжетов по системе Аарне-Томпсона в редакции Ганса-Йорга Утера от 2004 г.¹ подобные истории содержатся, прежде всего, в разделе “The Foolish Husband and His Wife” с номера 1405 по 1429, в частности в сюжетах под номерами 1419A, 1419B, 1419C, 1419D, 1419F, 1419J*, 1420G, 1422, 1423, а также в других разделах, когда возможны контаминации с мотивами других типов сказочных сюжетов (например, 1352A). Приведем для иллюстрации три примера.

1419. The Returning Husband Hoodwinked. This miscellaneous type comprises various tales dealing with a husband who returns home to an adulterous wife, who further deceives him. Examples: *When her husband comes home suddenly, a wife quickly hides her lover in a chest (featherbed, cupboard, suitcase)*. A betraying part of his body (clothing) hangs out, and she manages to warn him indirectly to pull it in. Later he escapes.

1419A. The Husband in the Chicken House. *A husband returns home unexpectedly to find his wife with her lover*. The wife tells her husband someone is following him and convinces him to hide in the chicken

coop (dovecot). She locks him in and spends the rest of the night with her lover. Her husband is grateful that she saved him from the supposed pursuer.

1419J*. Husband Sent for Water. *A husband comes home unexpectedly when his wife is with her lover. The lover hides and the wife pretends to be ill. She asks her husband to get her some water (medicine, gin, an apple, etc.) which, she says, is the only thing that will cure her. After the husband goes out to get the water, the lover secretly escapes.*

В сравнительном указателе сюжетов восточнославянской сказки анекдотический мотив о женском адюльтере и изворотливости героини помещен в раздел «О злых, ленивых, хитрых женах и мужьях», включающий номера с 1405 по 1429 [СУС²: 296–300]. В славянских анекдотических сказках чаще всего ловкая супруга либо выдает своего любовника за спасителя дома от пожара, либо выпроваживает мужа из дома, пока любовник убегает, либо прячет любовника в гардероб, сундук, пуховик (СУС 1419*, 1419F*, 1419K*, 1419L*). В таких случаях героиня занимает сказочную роль плута, поэтому данный тип сказок обозначен в СУС как «бабы уловки». Но также случается, что застигнутый любовник дурачит мужа или муж мстит любовни-

¹ Далее издание [Uther] в тексте статьи обозначается как АТУ.

² Здесь и далее издание [Бараг, Березовский, Кабашников, Новигов] в тексте статьи обозначается как СУС.

ку или жене (СУС 1419F, 1419B). Подробный анализ структуры сказки-анекдота приведен в таблице 2.

Подобные анекдотические истории встречаются также:

- в восточных сказочных сборниках: древнеиндийские новеллы «Семьдесят рассказов попугая» (the Indian “Śukasaptati”), «Книга о семи мудрецах» («The Seven Wise Masters»);

- в средневековой городской литературе: итальянские новеллино, латинские фацеции, французские фавлю, немецкие шванки;

- в «Декамероне» Джованни Боккаччо (новеллы VII и VIII дней);

- и, наконец, в простонародных русских сказках («Старая погудка на новый лад», 1795), в заветных сказках, собранных и опубликованных в XIX в. А.Н. Афанасьевым, в смоленском этнографическом сборнике В.Н. Добровольского (1891), в северных сказках из сборника Н.Е. Ончукова (1908), в украинских байках и анекдотах, собранных В.М. Гнатюком (1899–1917), и т. д.

Отметим удивительный факт: в указателе анекдотов историка М. Мельниченко, в который вошли 5852 сюжета анекдотов¹, имевших устное хождение на территории СССР с 1917 по 1991 г., несмотря на наличие

главы «Отношение полов, семья, аборт, измены, алименты» с 3816 по 3958 номер, содержится всего лишь единственный анекдот про «мужа, вернувшегося из командировки» в разделе «Ленин» [Мельниченко: 177]. Остальные анекдоты на тему женской неверности также немногочисленны и имеют либо редуцированные зачины, либо совершенно отличную от типового современного анекдота структуру. Приведем эти два примера анекдотов о супружеской измене, имеющие отличную от типового современного анекдота структуру:

«Что такое приличная женщина?» – «Имеет мужа и любовника». – «Так это же неприличная». – «Не так. Неприличная – это когда муж и два любовника». – «Так то гулящая». – «Ничего подобного. Гулящая – это три любовника и нет мужа». – «Это одинокая». – «Что вы. Одинокая – если у нее только муж» [Там же: 3884А, 1973].

«Слушай, Гриша, – сказала жена, – вот мы с тобой записаны в ЗАГСе. Мы же не какие-нибудь консервативные дворяне или игумены. Мы советские люди, люди социалистического будущего. Скажи мне правду – изменял ли ты мне когда-нибудь?» – «Ты права, Соня, – согласился муж, – и я тебе признаюсь: я изменил тебе два раза. Один раз, пом-

¹ Цифра 5852 сюжета указана без учета вариантов на сюжет анекдота (всего было отработано 9608 фиксаций анекдотов), а также без учета сомнений устного бытования некоторой части анекдотов. Подробности содержатся во введении к Указателю анекдотов [Мельниченко: 7–76].

нишь, когда ездил на курорт, а другой раз с той машинисткой, которая работала у меня в прошлом году. А ты, Соня?» – «Ну так я тебе тоже признаюсь, Гриша, – сказала молодая жена, – я тебе тоже изменила два раза. Один раз – помнишь? – приезжала московская футбольная команда “Динамо” – так я тебе изменила с футбольной командой. А другой раз с оркестром балалаечников» [Там же: 3876А, 1944].

Структурные особенности современных анекдотов о «вернувшемся из командировки муже» и «бродячих» сказочных историй о женском плутовстве

Анализ структуры текстов современных анекдотов показывает, что современный анекдот на тему «неожиданного возвращения мужа из командировки» подобен сказке-анекдоту о женском плутовстве, зафиксированной в указателях АТУ и СУС. Указанные тексты образуются, выражаясь терминологией Е.М. Мелетинского, вокруг «оси ум / хитрость – глупость», когда в общем случае плутовка жена обманывает дурака мужа, либо когда муж в порядке контрплутовства наказывает супругу или любовника. Эта ось определяет любой трюковый сказочный сюжет и задает его развитие в зависимости от типа трюка и хитрости трикстера / плута, а также от реакции его антагониста.

Анализ отличий трюковых сюжетов от сюжетов волшебных сказок, синтагматического развертывания трюкового сюжета и предика-

тов трюка блестяще описаны фольклористом и культурным антропологом Е.С. Новик [Новик: 139–152]. Опираясь на описанную в ее работе семантическую и синтагматическую структуру трюковых сюжетов, представим аналогично трюковый анекдот о женском плутовстве.

Очевидно также, что «ось ум / хитрость – глупость» определяет трюковый сюжет анекдота о женской измене и роли его героев: на каком именно герое акцентирует внимание анекдот, всегда ли в роли плута выступает супруга и высмеивается глупец муж, существуют ли анекдоты, в которых акцентируется контрплутовство мужа, позволяющее отомстить жене и любовнику.

Рассмотрим в таблице 2 типологию действий (сюжета) и распределение ролей между героями современного анекдота и «бродячих» сказочных историй о супружеской неверности.

Для подробного анализа структуры современного анекдота о женской неверности рассматривались анекдоты с клишированным зачином: «муж возвращается из командировки», «муж возвращается неожиданно домой», «жена с любовником, в это время заходит муж» и т. п. Материал заимствовался из сборников, указанных в предыдущем параграфе, а также был собран автором исследования в интернет-сети. Все представленные зачины являются вариантами либо их редукциями, дальнейшие разворачивания

Таблица 2. Типология действий (трюков) и ролей героев анекдота о супружеской измене

Графа 1. Плутводство		Графа 2. Контрплутводство	
Плутовка / ее заместитель (любовник) обманывает мужа.		В тексте акцентируется активная реакция мужа, нет описания трюков жены.	
1.1. Жена обманывает мужа.	1.2. Любовник выгоняет / поддевает мужа или просто обманывает.	2.1. Муж жалеет любовника, либо расстраивается из-за отсутствия измены.	2.2. Муж / заместитель мужа (сын) мстит жене или любовнику.
«Бабы увертки» СУС 1419*, 1419F*, 1419K*, 1419L*, 1419A, 1419E, 1419G, 1418A*, 1410, 1421* «Жена в ларце» 1426	СУС 1419F, 1422*, 1423, 1410, 1406		СУС 1419В

трюковых сюжетов в текстах осуществлялись в соответствии с одной из четырех схем (см. таблицу 2).

Представим эти варианты.

1.1. Жена обманывает мужа, выступая в роли плутовки

В сравнительном указателе сюжетов восточнославянской сказки таких трюковых сюжетов, когда супруга обманывает мужа и он выглядит глупцом, большинство (относительно других вариантов из таблицы 2). Это истории, когда ловкая жена выдает своего любовника за спасителя дома от пожара либо выпроваживает мужа из дома, пока любовник убегает, либо прячет любовника

в гардероб, сундук, пуховик. Подобные трюковые сюжеты получили даже специальные названия – «бабы уловки» и «жена в ларце» [СУС: 296–300].

В современных анекдотах о «муже, вернувшемся из командировки», мы также находим сюжеты, когда трюки супруги позволяют ей обмануть мужа. Она так же, как и в сказках-анекдотах, прячет любовника в шкаф, туалет, на балкон, либо выдает его за стороннего человека (электрика, сантехника, геолога), который не по ее воле оказался в доме.

Возвращается муж из командировки и застаёт свою жену с дряхлым стариком. Муж раздражается

гневной тирадой. Жена: «Тише ты! Он Ленина видел!» [Мельниченко: 561, 1967]¹

У жены любовник. Слышат – поворачивается ключ в замке входной двери, неожиданно вернулся муж. Она: «Становись возле розетки и делай вид, что чинишь». Муж входит в комнату. «Кто это?» – «Электрик». – «Почему же он совершенно голый?» Жена пожимает плечами: «Ну, какого прислали, такого прислали» [Там же: 3885А, 1979].

Муж возвращается к себе домой. Голый мужчина стоит на стремянке под люстрой. Жена: «Этот электрик». Муж: «Отчего он голый?» Жена: «Одетым опасно работать, может ударить током. Инструкция запрещает». Муж: «А почему у него член стоит?» Жена: «Так он же работает под напряжением» [Там же: 3886А, 1979].

Приезжает муж из командировки, а на кровати рядом с женой – негр. «Маша! Что это такое?» – «Не видишь? Гуманитарная помощь!»

Возвращается муж из командировки. Идет по своей улице. Смотрит – во всех кустах по два-три мужика лежит. Подходит к дому – везде мужики лежат. Поднимается – лестница вся мужиками усыпана. Входит в квартиру, бардак, дыму – хоть топор вешай, и вся квартира мужиками усеяна. Заходит в спальню, а там из-под вороха мужиков выбирается жена и говорит: «О, муж из командировки вернулся. Сейчас начнутся упреки, подозрения...»

1.2. Любовник жены замещает роль плутовки

В сказках-анекдотах и в современных анекдотах встречаются сюжеты, когда выполнение трюка сокрытия женской измены ложится не на супругу, а на любовника. Любовник выгоняет, поддевает мужа или просто обманывает. Среди таких ситуаций мы выделили две разновидности.

1.2.1. Любовник жены выгоняет мужа, поддевает его, что усиливает положение мужа-глупца

Возвращается муж из командировки. Звонит в дверь. Открывает здоровенный амбал. «Ты кто?» – «Муж». – «Чего надо?» – «Жрать хочу». – «Подожди!» Дверь захлопывается, через минуту снова открывается. «Вчерашний борщ будешь?» – «Буду». – «Приходи завтра!»

Приезжает муж из командировки и застаёт у себя дома здорового амбала: «Был бы у меня нож – я б тебя зарезал, был бы у меня пистолет – я б тебя застрелил, я б тебя...» Амбал: «У тебя есть рога, забодай меня!!!»

1.2.2. Любовник жены поддерживает ситуацию обмана мужа, ведет с ним диалог

Возвращается муж из командировки и застаёт жену с любовником. Муж: «Здравствуйте, я Иван

¹ Анекдот был письменно зафиксирован в 1967 г., по моему мнению, его бытование связано с предстоящим празднованием столетия В.И. Ленина.

Иванович, генеральный директор, а еще и муж этой дамы!» – «Здравствуйте, а я исполняющий обязанности генерального директора».

Мужик возвращается из командировки, заходит в комнату – жена в кровати, рядом с кроватью стоит голый грузин в кепке и радостно так улыбается. Охреневший муж грузину: «Ты кто?» Грузин, уже не улыбаясь: «Да баран я – вчера вот кепку-невидимку за штуку баксов купил!»

Приезжает муж из командировки. Смотрит – на балконе у него мужик в трусах стоит. Он подходит к мужику и спрашивает: «Ты что тут делаешь?» – тихим и спокойным голосом. «Я тут на парашюте летел и случайно на ваш балкон приземлился. Извините». – «Да ничего. Я уже ничему не удивляюсь. В прошлый раз у меня в туалете геолог нефть искал».

Возвращается муж внезапно из командировки. Заходит в спальню – видит жену явно растерянную. В гневе начинает бегать по квартире, заглядывая во все углы, – и наконец в ванной под кучей тряпок находит маленького голого мужичка. «Ты почему здесь?!» – «Ну где-то же я должен быть...»

2. Муж / его заместитель совершают действия – контрплутовство

В современных анекдотах встречаются сюжеты, когда в тексте акцентируется активная реакция мужа и нет описания трюков

супруги. Муж жалеет любовника, либо расстраивается из-за отсутствия измены или из-за того, что не смог отловить любовника. Во всех типах муж или его заместитель (сын, например) совершает противодействие – контрплутовство.

2.1.1. Муж принимает измену жены, но жалеет любовника

Вдруг откуда ни возьмись приезжает муж из командировки. Жена говорит любовнику: «Встань на кухне как статуя и не шевелись! Соседка сказала, что у нее так прокатило!» Муж заходит домой и спрашивает: «А это кто?» Жена ему отвечает: «Дорогой, я купила статую!» Улеглись спать. Ночь. Муж заходит на кухню, достает из холодильника бутерброд, подходит к статуе и говорит: «На, мужик, поешь... Я у соседей два дня стоял, и никто пожрать не предложил!»¹

A woman and her lover are in bed together when the husband comes home. The woman jumps up, shoves the guy in a corner of the bedroom, rubs him down in baby oil and covers him in talcum powder. "Don't move! You're a statue!" The husband comes up to the bedroom and inquires about the new decoration. The wife explains that the Smith family next door acquired a statue for their bedroom recently, and if they could get

¹ У этого анекдота существует множество вариантов, когда любовник изображает статую Ленина либо когда упоминается фамилия семьи – Ивановы. Анекдот аналогичен английскому варианту.

one, so could she. The married couple go to bed, but at midnight the husband goes downstairs, gets a glass of milk and some cookies, and comes back upstairs. He hands the snack to the statue and says, "Here. I stood around for 3 days at the Smiths', and they never fed me a thing!"

Прилетает муж из командировки и застаёт в постели у своей жены инопланетянина. Обманутый супруг удивляется и спрашивает: «Ну я – муж, мне деваться некуда, со мной все ясно, а ты-то зачем так далеко летел?»

2.1.2. Муж расстраивается из-за отсутствия измены и нарушенных ожиданий, либо из-за того, что не смог отловить любовника

Неожиданно ночью вернулся муж из командировки, увидел, что жена спит одна, обиделся и уехал опять в командировку.

Приезжает муж из командировки. Жена сидит на кровати, в халатике, волосы расчесывает... Муж решительно заглядывает под кровать – никого, в шкаф – никого, на балкон – никого! Подсаживается к жене, обнимает за плечи и, сочувственно так: «Стареем...»

Приехал мужик из командировки и сразу к шкафу. Никого. Под кровать – никого. Вдохнул и сказал: «Ну вот! Даже выпить не с кем!»

Приезжает муж из командировки. У жены халать, ну и бежать. Мужик хватается ружье – бабах, промазал. Он со второго ствола бабах, опять промазал. Сел и думает: «Это что же получается. Пришел, мою жену трахнул, мою водку выпил, а я его еще и проводил с салютом».

2.2. Муж или его заместитель (сын) мстит любовнику или жене¹

Stupid Joke: It's Dark in Here. A woman takes a lover during the day, while her husband is at work. One day, her 9-year-old son hides in the closet during one of her romps. Her husband comes home unexpectedly, so she hides the lover in the closet. The little boy says, "It's dark in here." The man whispers, "Yes, it is." Boy: "I have a baseball." Man: "That's nice." Boy: "Want to buy it?" Man: "No, thanks." Boy: "My dad's outside." Man: "OK, how much?" Boy: "\$250."

In the next few weeks, it happens again that the boy and the mom's lover end up in the closet together. Boy: "It's dark in here." Man: "Yes, it is." Boy: "I have a baseball glove." Man: Remembering last time, asks, "How much?" Boy: "\$750." Man: "Fine."

A few days later, the father says to the boy, "Grab your ball and glove. Let's go outside and toss the baseball." The boy says, "I can't. I sold them." The father asks, "How much did you sell them for?" The son says "\$1,000."

¹ Таких сюжетов встречается не очень много.

The father says, "It's terrible to overcharge your friends like that. That's way more than those two things cost. I'm going to take you to church and make you confess." They go to the church and the father makes the little boy sit in the confession booth and he closes the door. The boy says, "It's dark in here." The priest says, "Don't start that crap again!"

Заключение

Анализ современных русских анекдотов на тему «неожиданного возвращения мужа из командировки» показал очевидную структурную, семантическую и синтаксическую связь «бродячих» анекдотических сказочных историй и современных анекдотов о супружеской неверности с типовым зачином. Такие анекдоты часто используют те же трюковые сюжеты, мотивы и формульные клишированные зачины, что и анекдотические сказки о женском плутовстве. В современном анекдоте, включая англоязычные версии, отсутствует эксплицитно выраженная дидактика и нравоучения, но он имеет идентичные со сказкой-анекдотом признаки, в частности, он содержит:

- установку на вымысел;
- аналогичную сказочной формулу зачина (появился лишь вариативный элемент – «возвращение мужа из командировки» вместо «муж возвращается неожиданно домой»);
- композиционный поворот сюжета, вызванный трюками и смекалкой героев;
- комическую развязку и смеховой эффект.

На основании подобия структуры, семантических и синтаксических соответствий, указанных в настоящей работе, можно говорить, как минимум, о *типологической (или, возможно, даже о генетической) связи между анекдотической сказкой о женском плутовстве и современным анекдотом о «муже, вернувшемся из командировки», а также о том, что оба типа текста строятся на трюковых сюжетах.* Масштабы распространения мотива супружеской неверности, устные и литературные миграции текстов, а также иные полученные в рамках структурно-семиотического подхода выводы объясняют, на мой взгляд, *живучесть, популярность и продуктивность данного анекдота* в любых, в том числе современных, условиях.

Литература

Архипова, А.С. «Штирлиц шел по коридору...»: Как мы придумываем анекдоты. М.: РГГУ, 2013.

Бараг, Л.Г., Березовский, И.П., Кабашников, К.П., Новиков, Н.В. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979.

Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.

Бахтин, М.М. Собр. соч. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 159–206.

Дандес, А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ // Сборник статей / сост. А. Архипова. М.: Восточная литература, 2003.

Кирилина, А.В. Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Кооистра, Л.Е., Щипицина, Л.Ю. Особенности проявления русских и немецких гендерных стереотипов в анекдотах о женщинах // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 1. С. 48–53.

Кузнецов, А.М. Гендерные характеристики концепта «Любовь», отраженные в афоризмах и анекдотах // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2009. № 1. С. 12–38.

Лебедь, О.Л. Социальный портрет семьи в современном фольклоре // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 136–139.

Мелетинский, Е.М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990.

Мельниченко, М. Советский анекдот: Указатель сюжетов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Новик, Е.С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского. / сост. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. М.: Российский университет, 1993. С. 139–152.

Слышкин, Г.Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации / сост. А.В. Кирилина. М.: Рудомино, 2002. С. 66–73.

Слышкин, Г.Г., Ляленкова, Т. Мужчина и женщина: мужской и женский анекдот // Радио Свобода, 16.04.2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/138171.html> (дата обращения: 25.06.22).

Тарасенко, Т. Анекдот как феномен языка и культуры // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2005. Т. 32. № 1. С. 161–171.

Фролова, О.Е. Стереотипы сексуального поведения в зеркале анекдота о супружеской измене // Мужской сборник: Мужчина в экстремальной ситуации. М: Индрик, 2007. Т. 3. С. 199–206.

Фролова, О.Е. Точка зрения в анекдоте // Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. Славянская традиционная культура и современный мир. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. Т. 11. С. 74–85.

Хромачева, А.Ю. Конфликты в современной российской семье через призму анекдотов // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 3. С. 135–148.

Шмелев, А.Д., Шмелева, Е.Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Lippman, W. (1922). *Public opinion*. NewYork: Macmillan.

Mitchell, C.A. (1977). The sexual perspective in the appreciation and interpretation of jokes. *Western Folklore*, 36 (4), 303–331.

Oring, E. (2016). *Joking asides: the theory, analysis, and aesthetics of humor*. Boulder: University Press of Colorado.

Ries, N. (1997). *Russian talk: culture and conversation during perestroika*. Ithaca, New York: Cornell University Press.

Uther, H.J. (2004). *The types of international folktales: a classification and bibliography, based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica.

References

Arkhipova, A.S. (2013). “*Shtirlits shel po koridoru...*”: *kak my pridumyvayem anekdoty* [“Stierlitz was walking down the hall...”: how we come up with jokes]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

Bakhtin, M.M. (1986). *Literaturno-kriticheskiye stat'i* [Literary-critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Bakhtin, M.M. (1997). Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In M.M. Bakhtin. *Sobr. soch. V 7 tt. T. 5* [Collected works in 7 Volumes. Vol. 5]. Moscow: Russkie Slovari, 159–206.

Barag, L.G., Berezovskiy, I.P., Kabashnikov, K.P., & Novikov, N.V. (Eds.). (1979). *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov: vostochnoslavianskaya skazka* [Comparative plot index: East Slavic fairy tale]. Leningrad: Nauka.

Dandes, A. (2003). *Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz* [Folklore: semiotics and/or

psychoanalysis] (A. Arkhipova, Ed.). Moscow: Vostochnaya literatura.

Frolova, O.E. (2007). Stereotipy seksual'nogo povedeniya v zerkale anekdota o supruzheskoy izmene [Stereotypes of sexual behavior in the mirror of an anecdote about adultery]. *Muzhskoy sbornik: muzhchina v ekstremal'noy situatsii* [Men's collection: a man in an extreme situation] (Vol. 3). Moscow: Indrik, 199–206.

Frolova, O.E. (2008). Tochka zreniya v anekdote [Point of view in an anecdote]. *Lichnost' v fol'klore: ispolnitel', master, sobiratel', issledovatel'. Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Personality in folklore: performer, master, collector, researcher. Slavic Traditional Culture and the Modern World] (Vol. 11). Moscow: The State Republican Center of Russian Folklore, 74–85.

Khromacheva, A.Yu. (2016). Konflikty v sovremennoy rossiyskoy sem'ye cherez prizmu anekdotov [Conflicts in the modern Russian family through the prism of anecdotes]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsial'naya Praktika* [Sociological Science and Social Practice], 4(3), 135–148.

Kirilina, A.V. (2017). *Gender i yazyk* [Gender and language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Kooistra, L.E., & Shchipitsina L.Yu. (2005). Osobennosti proyavleniya russkikh i nemetskikh gendernykh stereotipov v anekdotakh o zhenshchinakh [Features of the manifestation of Russian and German gender

stereotypes in anecdotes about women]. *Vestnik VGU, Seriya "Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya"* [Herald of Voronezh State University, Series "Linguistics and Intercultural Communication"], 1, 48–53.

Kuznetsov, A.M. (2009). *Gendernyye kharakteristiki kontsepta "Lyubov"*, *otrazhennyye v aforizмах i anekdotakh* [Gender characteristics of the concept of "Love", reflected in aphorisms and anecdotes]. *Sotsial'nyye i Gumanitarnyye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Ser. 6. Yazykoznaniye* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Vol. 6. Linguistics], 1, 12–38.

Lebed', O.L. (1999) *Sotsial'nyy portret sem'i v sovremennom fol'klore* [Social portrait of the family in modern folklore]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya* [Sociological Research], 11, 136–139.

Lippman, W. (1922). *Public opinion*. New York: Macmillan.

Meletinskiy, E.M. (1990). *Istoricheskaya poetika novelly* [Historical poetics of the novel]. Moscow: Nauka.

Mel'nicenko, M. (2014). *Sovetskiy anekdot: ukazatel' syuzhetov* [Soviet anecdote: plot index]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Mitchell, C.A. (1977). The sexual perspective in the appreciation and interpretation of jokes. *Western Folklore*, 36 (4), 303–331.

Novik, E.S. (1993). *Struktura skazochnogo tryuka* [The structure of a fairy-tale trick]. In S.Yu. Neklyudov, & E.S. Novik (Eds.), *Ot mifa k literature: sbornik v chest' semidesyatipyatiletiya E.M. Meletinskogo* [From myth to literature: collection of works in honor of the seventy-fifth anniversary of E.M. Meletinsky]. Moscow: Rossiyskiy universitet, 139–152.

Oring, E. (2016). *Joking asides: the theory, analysis, and aesthetics of humor*. Boulder: University Press of Colorado.

Ries, N. (1997). *Russian talk: culture and conversation during perestroika*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Shmelev, A.D., & Shmeleva, E.Ya. (2002). *Russkiy anekdot: tekst i rechevoy zhanr* [Russian anecdote: text and speech genre]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Slyshkin, G.G. (2002). *Gendernaya kontseptosfera sovremennogo russkogo anekdota* [Gender conceptual sphere of modern Russian anecdote]. In A.V. Kirilova (Ed.), *Gender kak intriga poznaniya. Gendernyye issledovaniya v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikatsii* [Gender as an intrigue of cognition. Gender studies in Linguistics, Literary Studies and Communication Theory]. Moscow: Rudomino, 66–73.

Slyshkin, G.G. & Lyalenkova, T. (2006, April 16). *Muzhchina i zhenshchina: muzhskoy i zhenskiy anekdot* [A man and a woman: a male and female anecdote]. *Radio Svoboda* [Radio Liberty]. Retrieved from: <https://www.svoboda>.

org/a/138171.html (date of access: 25.06.2022).

Tarasenko, T. (2005). Anekdot kak fenomen yazyka i kul'tury [An anecdote as a phenomenon of a language and culture]. *Studia Rossica Posnaniensia*, 32(1), 161–171.

Uther, H.J. (2004). *The types of international folktales: a classification and bibliography, based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica.

Для цитирования: Кукса, Т.Л. «Возвращается муж из командировки»: дисциплинарные взгляды на супружескую измену в анекдоте // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 2. С. 162–182. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-2-162-182

For citation: Kuksa, T.L. (2022). “The husband returns from a business trip”: disciplinary views on adultery in an anecdote. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (2), 162–182. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-2-162-182

**“THE HUSBAND RETURNS FROM A BUSINESS TRIP”:
DISCIPLINARY VIEWS ON ADULTERY IN AN ANECDOTE**

Tatiana L. Kuksa, Head of the Legislation Reform Department, Institute for Public Administration and Governance, HSE University; PhD Student, Center of Medical Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: tutosha@gmail.com

Abstract. This research proposes sociological, linguistic, folklore (psychoanalytic and structural-semiotic) approaches to the analysis of the contemporary anecdote about adultery. Academic interpretations of satirical texts are quite different, but they allow us to explain the popularity and cultural reproduction of anecdotes about married life, gender stereotypes, the reasons for the women demonizing and men derision, as well as the modern specifics of a joke and recreation of its laughing effect. However, the viability of such stories about female infidelity is connected not only with the communicative situation. The article also analyzes the unified structure of the plot, developing around a trick, and the connection between medieval fabulous stories about “women’s tricks” and modern jokes with a typical beginning “the husband returns from a business trip”. Such anecdotes often use the same plots with a trick, motifs and formulaic beginning, as well as anecdotal stories about women’s cheating. In a contemporary joke, there is no explicitly pronounced didactics and morals, but it has some similarities with fabulous stories – exposure of its fictional status, formulaic beginning, plotting caused by tricks and savvy of characters, comic denouement and laughing effect.

Key words: anecdote, laughing effect, trickster, trickery, projective inversion, injury, adultery

